Толстяк и Молчун из нашего снаряжения вытащили лоянские лопаты. Каждый из нас нес по пять труб от разборных черенков. В наши дни черенки лоянских лопат делают из высокопрочного углеводородного волокна, а изготавливают их, кстати, на тех же заводах, что и удочки. Такие лопаты легче обычных. Толстяк собрал лопату и стал долбить соляной камень под ногами. На поверхности соль легко трескалась, но внизу оставалась неповрежденной. Все оказалось сложнее, чем мы думали. Давно застывшая соль по прочности не уступает настоящим камням, ее, как землю, лопатой не расковырять. Но с каждым ударом в стороны отлетали небольшие куски.

С трудом разлепив губы, похожие теперь на две маринованные сосиски, я спросил Толстяка: "Помнишь, как мы использовали плиту на Чанбайшане, чтобы растопить лед?"

Толстяк долго пытался отдышаться. С возрастом у него появилась заметная одышка, а тут еще этот сильный сквозняк, несущий крупинки соли. Он достал спиртовую горелку: "Полагаешь, соль может расплавиться? Бля, было бы неплохо. Не хочется помереть тут. Еще несколько минут — и я превращусь в кусок копченого окорока".

Пока он бурчал, старик тоже покопался в своем снаряжении и достал две стальные трубы. Из таких тоже делали черенки для лоянских лопат. Но у старика одна труба оказалась шнековым буром с ножами на конце, а к ее голове крепилась другая, в виде небольшого коромысла - вращающая рукоять. Это сборный ледобур, который используют при подледной рыбалке. Старик стоял в трех метрах от нас, и стал бурить соль в одиночку.

Толстяк смотрел на действия старика с явным уважением: действительно, Лэй Бэньчан был настоящим профессионалом.

Я знаю, какой твердой может быть каменная соль. Поэтому мы ходили по поверхности уверенно. Даже если внизу пустота, слой соли, должно быть, очень толстый. И длины ледобура может оказаться недостаточно. Старик работал не спеша, а когда сверло скрылось в глубине, он достал еще одну стальную трубу, удлинил рукоять и продолжил бурить. Провозившись минут десять, он сделал небольшой перерыв, а затем продолжил. Мы присели на корточки и закурили, наблюдая за ним. Но сигареты, казалось, просолились насквозь, вкус табака был похож на сушеную рыбу. Я обмотал лицо шарфом и осмотрелся в окружавшей нас темноте. Свет фонаря выхватывал из тьмы бесчисленное множество крупных кристаллов соли, а там, где освещения не доставало, маячили силуэты этих солевых цветов. Обернувшись, я посмотрел, чем занят Молчун. Его фонарь мерцал далеко в темноте, очевидно, он решил здесь все изучить, как следует.

Он вообще любил бродить где угодно. Меня утомляет прогулка на пару сотен метров. А он, с тех пор как приехал в Юйкунь, уходил гораздо дальше, изучил все горы в округе. Иногда я видел его всего пару раз в неделю. Но каждый раз он приносил из своих походов что-нибудь вкусное, поэтому мы всегда ждали его возвращения с нетерпением. Помню, однажды он притащил странную рыбью голову, и Толстяк ел ее почти три дня.

"Не знаешь, у местных есть обычай хоронить своих покойников в соли?" — спросил меня Толстяк, пытаясь слепить из соли снеговика.

“Я знаю, что ты собираешься сказать. Не надо. Это ж какие грехи надо совершить, чтобы тебя вот так похоронили. Хуже только могила в толстом слое молотого перца". Сейчас его шутки меня только раздражали. Я даже рот открыть нормально не могу. Если еще хоть одна песчинка соли попадет мне в горло, у меня поднимется давление.

"Да ты только посмотри на это великолепие вокруг, — продолжал гнуть свою линию Толстяк. — Мы столько лет страдали, что достойны такого шикарного погребения. Да чего ты бычишься? Эй, на этот раз все нормально. Вот раньше были серьезные проблемы, а сейчас так, мелочь, типа волос в еде. Просто мы отвыкли от трудностей".

Я прищурился: от его слов мне стало совсем тоскливо. Все эти чудеса остаются чудесами для тех, кто никогда не видел ничего необычного. Да, картина великолепная, но меня она волновала всего несколько минут. А потом все мое тело охватило напряжение от ожидания опасности, которая, несомненно, ожидает нас. Я совершенно забыл, что это не гробница, созданная каким-то гениальным мастером ловушек, это обычная пещера.

Похоже, за последние десять лет я привык видеть опасность всегда и везде.

Занявшись самокритикой, я закрыл глаза и машинально скреб ногтем по каменной соли. Потом мое внимание привлекли удочки и другое снаряжение старика. Я подошел, чтобы их осмотреть.

Людям, незнакомым с рыбалкой все снасти кажутся одинаковыми, но на самом деле разница колоссальна. Удилище на карася, карпа и сазана, удочки с сетью-кормушкой или блеснами, для рыбалки в равнинной и горной реке, с лодки или с берега - все они разные. Я еще хоть немного разбираюсь в этом, но большинство считает, что самое главное - поймать рыбу на крючок, и совсем не думают, как ее вытащить из воды. Например, маленькие рыбы легко срываются с крючка, сразу съев наживку, для таких нужно тонкое удилище, которое позволяет чувствовать малейшее движение, чтобы точно определить, когда рыба еще на крючке. Если для такой рыбалки использовать толстое и длинное, то, пока вибрация дойдет до рук, рыба уже сорвется и уплывет.

Впервые я познакомился с особенностями японских удилищ. Больше десяти лет назад, я помогал пожилому клиенту из Чанбай - корейского автономного округа, искать в интернете старинный гуцинь династии Тан. Поиски привели нас в Японское море. Гуцинь мы не нашли, зато я приобрел более дюжины удочек. Японцы очень разборчивы в этом отношении. Изготовление рыболовных снастей - важная часть культуры Японии, там есть целые династии, столетиями копившие свои умения и секреты. Существует много разных стилей рыбалки, удочки делаются только из настоящего бамбука, каждая отличается длиной и толщиной, им даже дают имена. Рыбалка в Японии окружена легендами и преданиями. Говорят, был в старину талантливый мастер, изготовивший удочку-призрак, способную поймать даже водяного дракона. С ее помощью можно выловить из воды много такого, чего никто и никогда раньше не видел.

Тогда я обратил внимание на упругие деревянные ручки у основания удилища, очень удобные для сильного захвата. У каждого мастера был свой знак, который он оставлял на ручке. Та партия, что купил я, была помечена небрежно вырезанным кленовым листом, который радовал глаз. Вернувшись в Китай, я продал в ближайшей деревне семь удочек, больше не получилось. Остальными пытался рыбачить, но получалось у меня плохо. Зато выставленные дома у стены они были прекрасны.

У старика тоже была японская удочка, ее ручка украшена узором из цепей. Забегая вперед, скажу, что на самом деле так ее украсил сам Лэй Бэньчан, переделывая удилище. Но не знаю, зачем он вырезал такой узор.

Потом я заметил удилище, в которое был вставлен шест, обмотанный желтой тканью. Я хотел взять его и рассмотреть поближе, но, подумав, отказался от этой идеи.

В этот момент подошел Толстяк и похлопал меня по плечу: "Наивняшка, старик не будет бурить дальше". Я обернулся: Лэй Бэньчан уже вынимал ледобур, вращая его в обратном направлении. Вокруг отверстия не было даже намека на воду.

"Воды нет?" — спросил я старика. Он покачал головой: "Нет, глубже я просверлить не могу". Когда ледобур был вытащен полностью, я увидел скважину диаметром с большую чашку. Свет фонаря не доставал до дна. Я приложил ухо к отверстию - ни звука. Осмотрел бур: на нем были осколки камня, настоящего камня. Похоже, я ошибся.

Мы осмотрели скважину даже с помощью мощного шахтерского фонаря. Если озеро не под слоем соли, тогда где оно? Я уже собирался уговорить старика вернуться. Можно ведь рыбачить и на поверхности. Вероятность найти эту рыбу здесь крайне мала. Мы не то что рыбу - озеро найти не можем. Хотя возможно, уже нашли и стоим на дне озера, которое давно пересохло. И тут я заметил, как едва заметный свет фонаря Молчуна вдалеке начал мигать. Он подавал сигнал, видимо, что-то нашел.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/82870/3122117